

О ПОЯВЛЕНИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ НА РУСИ

Проф. В. Мавродин

Обычной датой появления огнестрельного оружия на Руси считают 1389 год.

У Карамзина в его «Истории государства Российского» мы встречаем такое место: «О том, когда и как вошло в Россию искусство огнестрельное, нашёл я известие в летописи Голицынской, полученной мною от графа Ф. А. Толстого. Она писана полууставом в лист при царе Алексее Михайловиче. В ней сказано, л. 215»¹ и далее идёт текст Голицынской летописи: «В лето 6897 вывезли из Немец арматы на Русь и огненную стрельбу и от того часу оуразумели з них стреляти»². С лёгкой руки Карамзина это сообщение Голицынской летописи стали считать первым известием о появлении в России «огненной стрельбы», и в этом качестве оно попало на страницы ряда специальных и общих трудов, посвящённых истории русской артиллерии, огнестрельного оружия в России, истории русской армии.

Начальной датой русской артиллерии считают 1389 год М. Д. Хмыров, Бранденбург и др.³ 1389 год вошёл во все энциклопедические словари как год появления огнестрельного оружия в России⁴. Этот взгляд можно считать прочно установившимся в исторической науке. Он стал традицией. Правда, раздавались голоса протеста. Тот же Карамзин писал: «Хотя ещё в описании Московской осады 1382 года упоминается о пушках, но так назывались у нас прежде не нынешние воинские орудия сего имени, а большие самострелы, или махины, коими осаждённые бросали камни в осаждающих»⁵. Таким образом, Карамзин отрицал наличие в Москве «огненного боя» во времена осады города татарами Тохтамыша и считал «пушки» метательными орудиями, пропустив при этом, как это мы увидим ниже, термин, под которым скрывалось уже несомненно огнестрельное оружие. На этой же позиции стояли почти безоговорочно едва ли не все исследователи.

К сожалению, даже многие историки наших дней разделяют этот неверный взгляд.

¹ Карамзин Н. «История государства Российского». Т. V, примечание 136. 2-е изд. СПб, 1819.

² Так называемая «Голицынская летопись», хранящаяся в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, л. 215 (S. IV. 215).

³ Хмыров М. «Артиллерия и артиллеристы в допетровской Руси». «Артиллерийский журнал» № 9. 1865 г.; Бранденбург «500-летие русской артиллерии». 1889.

⁴ См. «Военная энциклопедия». Т. III, стр. 34. Энциклопедия Брокгауз и Ефрон. Т. 43, стр. 203; Энциклопед. словарь Гранат. Т. III, стр. 593—594; БСЭ. Т. III, стр. 489.

⁵ Карамзин Н. Указ. соч. Т. V, стр. 123.

В нашей печати, в общей и специальной литературе, 550-летие русской артиллерии было отмечено не в 1932 г., как это следовало бы сделать, исходя из указаний летописи, а в 1939 году. 1389 годом датируют начало «огненного боя» на Руси сборник «Артиллеристы», вышедший в 1939 году; Н. Павленко в своей популярной книге «Русская артиллерия (1389—1812)», изданной в 1940 г.; комкор А. Сивков в статье «550 лет русской артиллерии», опубликованной в «Военно-историческом журнале» (1939 г., № 2), и ряд авторов статей, помещённых в газетах.

Правда, некоторые исследователи последнего времени считали необходимым внести коррективы в традиционную схему и обращали внимание читателей на московские события 1382 г., считая 1382 год годом первого официального сообщения о применении русскими огнестрельного оружия. Я имею в виду монографию В. Е. Маркевича «Ручное огнестрельное оружие» (Т. I. 1937) и статьи А. Монгайта «Русская артиллерия в XIV—XVI вв.», опубликованную в «Военно-историческом журнале» (№ 7. 1940 г.), и П. П. Забаринского «550-летие русской артиллерии», помещённую в I томе «Сборника исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной армии». К сожалению, авторы этих статей не уделили достаточного внимания вопросу о начале «огненного боя» на Руси, о чём свидетельствуют хотя бы даты выхода в свет работ двух последних исследователей, связанные с пресловутым 1389 годом и «арматами» из «Немецъ». А между тем в наших летописях есть прямые указания на знакомство русских людей с огнестрельным оружием ещё до 1389 года. Но к этим указаниям очень мало присматривались, мало их изучали. Никто после Карамзина не заглядывал со специальной целью в рукопись Голицынской летописи, чем и объясняется то обстоятельство, что везде и всюду, во всех исследованиях цитируется, по Карамзину, отрывок об «арматах» под 1389 годом, не совсем соответствующий подлинному тексту⁶, в результате чего стала каноном следующая концепция появления русской артиллерии. Весной 1389 г., в апреле или мае, водным путём из «Немецъ» были доставлены первые пушки. Отсюда и «заморский» термин для обозначения первых русских огнестрельных орудий — «арматы» (от латинского *armata* — вооружённая сила, вооружение), — сохранившийся в двух или трёх восточнославянских языках («гарматы» в украинском и белорусском языках). Казалось бы, свидетельство Голицынской летописи подтверждается Тверской летописью, где мы встречаем такое место: «В лето 6897... Того же лета из

⁶ У Карамзина: «В лето 6897 вывезли из Немецъ арматы на Русь и огненную стрельбу, и от того часу оуразумели из них стреляти». Подлинный же текст приведён нами выше.

Немец вынесоша пушки, 97-го лета»⁷. Мы не станем отрицать того, что где-то на северо-западе Руси в 1389 г. появились пушки — «арматы», действительно привезённые «из Немець». Об этом повествует Тверская летопись, а Тверь, несомненно, может быть включена в состав северо-западных русских земель, связи же Твери с западными соседями Руси — Литвой, Ливонией, — а через них и с другими «немецкими» землями хорошо известны. Да и Голыцинская летопись в этой своей части отражает какие-то источники западной части великорусских земель.

Мы не собираемся исследовать Голыцинскую летопись как источник. Нам важно отметить совсем другое. Если принять указания Тверской и Голыцинской летописей, то перед нами выступит один из эпизодов распространения огнестрельного оружия на Руси. Проникновение «огненного боя» из стран Запада на Русь не может вызвать сомнений. Новгород, Псков и Тверь, повидимому, действительно получили свои «арматы» «из Немець», о чём и повествуют обе названные нами летописи. Таким образом, сообщаемые ими факты не вызывают сомнений. Не вызывают сомнений и даты и путь, по которому «арматы» были привезены на Русь. Мы ставим под сомнение другое: в самом ли деле на Руси только в 1389 г. узнали об «огненном бое»; были ли первыми артиллерийскими орудиями привезённые в этом году в северо-западные земли Руси «из Немець» «арматы»; был ли единственным путь распространения огнестрельного оружия в России с запада на восток, «из Немець» на Русь; впервые ли только в 1389 г. «оуразумели» «огненную стрельбу» русские люди? На эти вопросы придётся дать отрицательный ответ.

Обратимся к летописям. Повествуя под 1382 г. об обороне Москвы от татар Тахтамыша, Никоновская летопись сообщает: «Граждане же наипаче пушаху на них стрелы, и камение метяху, и самострелы, и тюфяки... стреляющие и камение шпобающе, и самострелы напязяюще, пороки, и тюфяки; есть же неции и самые тые пушки пушаху на них».

Сообщение Никоновской летописи подтверждается в Воскресенской летописью, в которой читаем: как москвичи «ови стрелами стреляху с заборол, овис камение шпобаху на ня, друзии же тюфяки пушающе на них, а иные самострелы напинающе пушаху, и пороки пушаху, а иные великие пушки пушаху»⁸. нас не интересуют пороки и самострелы, которыми москвичи отбивались от татар. Под пушками Никоновская летопись также подразумевает отнюдь не огне-

стрельное оружие хотя уже в описании битвы на Ворскле, которое мы находим в той же летописи, битве, происшедшей 17 лет спустя, действовали самые настоящие пушки и пищали — «огненная стрельба»⁹.

Наше внимание останавливают «тюфяки». Что за вид оружия скрывается под этим названием? Нет никакого сомнения, что этот термин пришёл в русский язык из тюркских языков, где он обозначает ружьё, ручное огнестрельное оружие, вообще то, что на Руси получило в то время в достаточной степени выразительное наименование «огненный бой», «огненная стрельба». В дальнейшем термин «тюфяк» закрепляется за первыми артиллерийскими орудиями и долгое время сохраняется на Руси.

Итак, мы можем не сомневаться, что во времена нашествия Тахтамыша в августе 1382 г. москвичи не без успеха применяли «огненную стрельбу» и на стенах осаждённого города стояли первые русские пушки, носившие не западноевропейское название «арматы», а восточное, тюркское — «тюфяки». Появление в русском языке тюркского термина для обозначения первых пушек свидетельствует о том, что был второй, а вернее сказать, по времени первый путь распространения «огненного боя» на Русь, а именно путь восточный. В русский язык тюркское слово «тюфяк» вошло раньше, чем латинское «арматы», ибо «огненный бой» пришёл на Русь не с Запада, а с Востока.

Когда в 1389 г. на Русь привезли с Запада первые «арматы», на стенах Москвы уже больше семи лет стояли первые русские артиллерийские орудия — «тюфяки». Когда и где русские впервые столкнулись с «огненным боем»? В Никоновской летописи мы встречаем рассказ о походе «на Болгары, рекше на Казань» суздальских ратей Василия и Ивана Дмитриевичей и московской рати Дмитрия Михайловича Вольнского, посланной Дмитрием Ивановичем Донским. Это было в марте 1376 года. 16 марта русское войнство подошло к Болгарам. «Казанцы же изыдоша из граду противу их, стреляюще из луков и из самострелов, а нини гром пушающе з града, страшаще Русское войнство»¹⁰.

Вряд ли кто будет сомневаться в том, что «жители Болгар, «гром пушающе з града», применили против русских огнестрельное оружие, поразившее русских воинов не столько большими жертвами среди ратей осаждающих в результате артиллерийского огня, сколько «громом» — грохотом выстрелов. Хорошо известно, что действие первых орудий не приводило к большим потерям в войске противника и дело сводилось главным образом к моральному эффекту. Огонь, страшный грохот, клубы дыма действовали на воинов больше, чем вид нескольких трупов. Это было время, когда, по словам Энгельса, «влияние нового оружия на общую тактику было весьма мало заметно»¹¹.

⁹ ПСРЛ. Т. XI, стр. 173.

¹⁰ ПСРЛ. Т. X. Никоновская летопись, стр. 25.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XI. Ч. 2-я, стр. 389.

⁷ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XV. Тверская летопись, стр. 444, 1863.

⁸ ПСРЛ. Т. XI, стр. 74 — 75. Так гласит «Повесть о приходе Тахтамышева на Москву» (списки Акад. XIV Обол., Акад. XV. Арк. II, Строгон. и Троиц. III). Вариант по «Повести о Московском взятии от царя Тахтамыша и о пленении земли Рязанския» (Акад. XVII. Древн. лет.) вместо «тюфяк» «тюфяк». ПСРЛ. Т. X, стр. 75. Вариант из Воскресенской летописи (ПСРЛ. Т. VIII. Воскресенская летопись, стр. 44).

Летописец очень удачно подметил эту особенность артиллерийского огня осаждённых: стрельба преследовала цель не столько нанести урон русским, сколько вызвать среди них панику («страшаше Русское воинство»). Ни «гром», ни попытки осаждённых вылазками «на верблюдах, кони русских вой полошающе» отогнать войнство русское не смогли спасти Болгары. Город пал. Возможно, что со стен его были сняты издававшие «гром» «тюфяки», которые через шесть лет били по татарам Тохтамышу со стен Москвы, быть может, по их образцу и подобию безвестные русские пушкари изготовили первые русские пушки—кто знает! Во всяком случае осада Болгар в марте 1376 г. была первым зарегистрированным летописцем знакомством русских с «огненным боем». Поход под Болгары был хорошим уроком, и русские «вои» извлекли из него большую пользу. Шесть лет спустя они сами «громом» пушечной пальбы встретили татар.

Интересно отметить, что русские в отношении применения огнестрельного оружия отнюдь не отставали от своих ближайших соседей с Запада. Ливонские рыцари впервые применили артиллерию в 1380 г., литовцы — двумя годами позже. Полагать, как это делает А. Монгайт, что литовцы заимствовали артиллерию у «орденских братьев», а «в свою очередь русские познакомились с действием пушек через литовцев», в свете приведенных выше сообщений летописи нет никаких оснований¹². «Огненный бой» на Русь пришёл с Востока, со стен Болгар, а не со стен замков орденских братьев или литовских феодалов. И это вполне понятно, ибо нам хорошо известен путь селитры, «китайской соли» арабов, путь пороха, а с ним вместе и огнестрельного оружия — это путь с Востока на Запад.

Мы знаем, что применение огнестрельного оружия относится к очень давним временам. В древних китайских летописях имеется упоминание об огнестрельном оружии, применявшемся ещё в VII в. до н. э. Раскопки на Яве обнаружили примитивную пушку, относящуюся к периоду до нашей эры. В Индии подобного рода орудия применялись ещё во времена Александра Македонского. В XII—XIII вв. огнестрельное оружие уже довольно широко применялось и в Азии и в Европе¹³.

В этой связи вряд ли следует игнорировать едва ли не первое упоминание об огнестрельном оружии, которое мы встречаем под 1185 годом в Ипатьевской летописи. Повествуя о походе половцев Кончака, летопись сообщает, что Кончак «бѣше бо обрѣл мужа такового бесоурманна иже стреляше живым огнём»¹⁴. Повидимому, речь идет не об извест-

ном на Руси с давних времён зажигательном составе, носившем название греческого огня, а именно о порохе.

Что представляли собой первые русские пушки, «тюфяки», Никоновской летописи? Бранденбург описывает найденную на острове Хортице пушку, датированную им концом XIV века. На тонкий железный ствол набиты толстые железные кольца. Грубо откованная приставная железная камора с ручкой, в середине которой вкладывался заряд пороховой мякоти (зернить порох начали лишь в XVI в.), приставлялась к стволу и закреплялась клиньями. Ствол вставлялся в деревянную колоду. Цапф и прицела не было. Таких и подобных орудий начала XV в. мы знаем несколько штук.

Трудно сказать, чем был «тюфяк» — необычайно громоздким и тяжёлым ручным огнестрельным оружием или сравнительно лёгкой пушкой, тогда не было ещё деления на ручное оружие и артиллерийское орудие.

Ф. Энгельс указывает, что артиллерия — восточного происхождения, это доказываются также способом выделки самых старых европейских орудий. Пушка делалась из полускованного железа, сваренных вместе в длину и скрепленных с помощью набитых на них тяжёлых железных обручей. Она состояла из нескольких частей, причём подвижная казённая часть закреплялась для стрельбы только после заряжания. Древнейшие китайские и индийские пушки были сделаны совершенно так же, а они относятся к столь же давнему времени или ещё более давнему, чем самые старые европейские пушки¹⁵.

Русские пушки XIV и начала XV в., в которых мы вправе усматривать «тюфяки», относятся, несомненно, к такому «восточному» типу артиллерийского орудия, и при этом совсем не обязательно предполагать, что «восточный» тип пушек пришёл не непосредственно с Востока, а через страны Западной Европы.

Впоследствии, но не ранее XVI в., за «тюфяками» закрепляются определённые функции — они предназначаются главным образом для стрельбы «дробом», т. е. мелкими камнями, кусками металла и т. п., своего рода примитивной картечью. Появление огнестрельного оружия сыграло большую роль в истории русского военного искусства. Усилилась обороноспособность Руси, на рубежах её выросли каменные крепости, непрерывно росла и совершенствовалась артиллерия, расцветало искусство русских пушкарей. Не случайно качеству русских пушек, их многочисленности, мастерству пушкарей Московской Руси XVI в. поразились иноземцы. Распространение огнестрельного оружия имело большое значение и в деле «собрания» русских земель в единое национальное русское государство с самодержавной властью во главе. Энгельс указывал, что огнестрельное оружие стало с самого начала оружием го-

¹² Монгайт А. «Русская артиллерия в XIII—XVI вв.», «Военно-исторический журнал» № 7, стр. 66. 1940.

¹³ Ряд данных о распространении пороха и огнестрельного оружия приводит в своём вышеназванном труде В. Е. Маркевич (см. его «Ручное огнестрельное оружие», Т. I, стр. 44—60).

¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись, стр. 634.

¹⁵ Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. Ч. I-я, стр. 250. 1937.

рожан и возвышавшейся при их поддержке монархии против феодального дворянства.

Итак, мы устанавливаем, что 1) первым достоверным сообщением о применении русскими огнестрельного оружия, сохранённым нашими летописями, является не 1389, а 1382

год; 2) до того, как «огненная стрельба» стала проникать на Русь с Запада, русские ознакомились с огнестрельным оружием на Востоке и оттуда заимствовали образцы для первых пушек и самое их название.